

А. Е. Маньков
ДИАЛЕКТ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ¹

(Вестник ПСТГУ: Серия III (Филология). № 1(19). Москва, 2010. Стр. 7–26)

Статья открывает серию публикаций о диалекте села Старошведское, которое находится на Украине, в Херсонской области. Село было основано в 1782 г. переселенцами с о. Дагё (Хийумаа). Диалект, до сих пор сохраняющийся в селе, является единственным скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Диалект практически неизучен. Единственное опубликованное описание относится к 1905 г. Источником нашего исследования являются интервью с носителями диалекта, записанные в ходе экспедиций в село в 2004–2009 гг.

Введение

Село и его жители

§ 1. Село Старошведское находится на Украине, в Бериславском районе Херсонской области (в XIX в. — Старошведская волость Херсонского уезда Херсонской губернии), на берегу Днепра². Село было основано в 1782 г. переселенцами с острова Дáгё (шв. Dagö; эстонское название — Hiiumaa)³. В то время остров входил в состав Российской Империи; ныне он принадлежит Эстонии. Родным языком основателей села был шведский диалект о. Дагё, который является одним из шведских диалектов Эстонии.

¹ Работа выполнена в рамках международной научной сети «Шведская колония на Украине», организованной Сёдертёрнским университетом (Södertörn University College), Швеция. Проект финансирует Балтийский фонд (Baltic Sea Foundation of Sweden) и Шведским институтом (Swedish Institute), Швеция. Выражаю благодарность Т. А. Тоштендаль-Салычевой (Российско-шведский центр РГГУ), проф. Д. Гонту (Сёдертёрнский университет) и А. Котлярчуку (Университет Умео), без помощи которых выполнение работы было бы невозможно.

² *Старошведское* является историческим, а не официальным названием села. Официальное современное название — *Зміївка*. Первоначально поселение шведов называлось просто *Шведская колония*. В конце XVIII в. по соседству было основано поселение немецких колонистов *Schlangendorf* (по-русски *Змеевка*, из-за обилия змей в днепровских заливных лугах). Немцы называли шведскую колонию *Altschwedendorf*. *Alt-* — по-видимому, из-за того, что шведы были первопоселенцами в тех краях. *Старошведское* — перевод этого немецкого названия. В русских документах и публикациях XIX в. село называется либо *Альтшведендорф*, либо *Старошведское*. Нынешние носители диалекта называют село [ˌgamaɾˈsvenskbi:] (также [gamœɾ-]), что также является переводом немецкого названия. *Gammalsvenskby* — то же название на стандартном шведском. В советский период Старошведское и Шлангендорф были объединены в одно село, названное по-украински *Зміївка*.

³ *Писаревский Г.* Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край // Русский Вестник. 1899. Кн. III. С. 249–250.

В XVIII в. Новороссийский край был малонаселён, и правительство Екатерины II предпринимало усилия к его заселению, в том числе иностранцами. Переселение шведов с Дагё было частью этого процесса. Число иностранных колонистов в Новороссийском крае было очень велико, большинство из них составляли немцы. В 1838 г. только в одной Херсонской губернии было 39 немецких колоний⁴. К середине XIX в. Херсонская губерния представляла собой многонациональную область, что видно по статистическим данным о нерусском населении этой губернии в 1852 г.: «молдаван — 75 000, болгар — 11 132, сербов — 436, поляков — 850, греков — 3 500, армян — 1 990, немцев — 31 700, шведов — 168, евреев талмудистов — 22 424, караимов — 446, цыган — 2 516, всего 150 162». Общее число шведов в Российской Империи в 1852 г. составляло 11 470 человек⁵. По данным «Новороссийского календаря на 1865 г.» в губерниях южного края России (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии, Бессарабская область) число «немцев с незначительным числом шведов и швейцарцев» составляло 151 925 человек, тогда как число русских составляло 13 162 человек⁶.

Скорее всего, шведское население колонии никогда не превышало 1000 человек. Согласно Г. Писаревскому, число переселенцев с Дагё составляло 966 человек, число добравшихся до места поселения — 880⁷. Условия жизни на новом месте оказались тяжёлыми, и число переселенцев в первые годы быстро сокращалось. В 1800 г. население шведской колонии составляло 150 или 160 человек⁸. В течение XIX в. жизнь в селе нормализовалась, и в 1917 г. число шведов составляло 718 человек⁹. В 1929 г. шведам удалось добиться разрешения выехать в Швецию, однако в 1931 г. некоторые из них вернулись обратно, что было вызвано сложностями адаптации в Швеции. Некоторые из нынешних

⁴ *Заблоцкий А.* Статистические сведения об иностранных поселениях в России // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1838. № 4 (Часть 28). С. 5–6

⁵ Список инородцам Европейской России, с показанием губерний, в которых они находятся. СПб., 1852.

⁶ Состояние народонаселения в колониях иностранных поселенцев южного края России в 1863 г. // Новороссийский календарь на 1865 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1864. С. 121.

⁷ *Писаревский.* Цит. соч. С. 249.

⁸ *Скальковский А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1: География, этнография и народосчисление Новороссийского края. Одесса, 1850. С. 265.

⁹ Список населённых мест Херсонской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Издание Херсонской Губернской Земской Управы. Александрия, 1917. С. 126.

жителей села родились в Швеции в период 1929–1931 гг. В 30-е гг. 18 шведов было репрессировано. Во время Великой Отечественной войны шведское население села было вывезено в Германию в качестве «фольксдойче». После войны часть угнанных шведов сразу вернулась обратно в село, а большинство было сослано на спецпоселение в Коми АССР. Пребывание в Коми АССР оказалось не таким длительным как оно могло бы быть: благодаря вмешательству шведского инженера, случайно узнавшего о несправедливости в отношении шведов, они получили возможность вернуться в родное село. Это произошло в 1947 г., после приблизительно двух лет в Германии и двух лет в Коми АССР. В настоящее время население села — около 2000 чел. Представление о селе и его жителях можно составить по недавно изданному фотоальбому¹⁰.

§ 2. С лингвистической точки зрения население села делится на три группы:

1) Лица, говорящие на русском и русско-украинском (суржик) и составляющие большинство. Их можно считать одноязычными.

2) Этнические шведы старшего поколения (20-х и 30-х гг. рождения), их число — не более 15 человек.

3) Дети шведов старшего поколения (50–70-х гг. рождения). Их первым и основным языком является русско-украинский. Стандартный шведский изучается как факультативный предмет в школе, и многие учат его. Таким образом, он может считаться для них вторым языком. Никто из этой группы не владеет диалектом даже в минимальной степени. По их словам, они слышали в детстве, как их бабушки и дедушки говорили на диалекте, однако исключительно между собой и никогда с младшим поколением, причём это делалось сознательно.

Объектом нашего исследования является вторая группа. Их первым языком является диалект, восходящий к диалекту Дагё. Его самоназвание — [ˈɡamɑʃsvensk] (также [ˈgamœʃ-]), т.е. «старошведский». Основным языком этой группы является суржик, однако друг с другом они часто говорят на шведском диалекте. Все носители диалекта хорошо владеют немецким языком. Многие из них изучали стандартный шведский либо благодаря родителям, либо в школе, и свободно говорят на нём. Тем не менее, они противопоставляют шведский диалект как родной язык стандартному шведскому, выученному языку. У некоторых представителей этой группы основным языком в детстве был немецкий, поэтому их вариант диалекта отличается по степени сохранности от варианта тех, у кого и отец и мать были шведами.

¹⁰ *Svedberg G., Mårtensson E. Gammalsvenskby: En by i Ukraina. JR Hain förlag AB, 2001.*

То, что в селе до сих пор сохраняется шведский диалект, было неизвестно лингвистам вплоть до 2004 г., когда мы провели первую экспедицию в Старошведское. Насколько нам известно, Старошведское не упоминается ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистической литературе (исключая шведскую)¹¹. Вероятно, такое молчание связано с малоизвестностью факта возвращения части носителей диалекта из Швеции на Украину в начале 30-х гг. и сохранения, таким образом, шведского диалекта в селе. Кроме того, после событий 20–40 гг. уцелевшие украинские шведы вплоть до настоящего времени несклонны к распространению сведений о себе. Всё это создало впечатление, что диалект прекратил своё существование после переселения его носителей в Швецию в 1929 г.

Старошведское — это уникальный культурно-исторический феномен, представляющий исключительный интерес как пример многоязычного сообщества. Несмотря на малое число носителей, внешние влияния (со стороны стандартного шведского, немецкого, русско-украинского) и преобладающее использование русского и украинского в повседневном общении, шведский диалект села сохранился до наших дней как целостная языковая система. Имеющиеся на сегодняшний день результаты его изучения поразительны и, не побоимся сказать, сенсационны. Заново открыт живой скандинавский диалект (в степях Херсонской области!), изучение которого должно внести значительный вклад не только в скандинавское и германское, но и в общее языкознание.

Родственные диалекты

§ 3. До Второй мировой войны область распространения шведских диалектов в Эстонии была следующей¹²: сельский муниципалитет

¹¹ Например, упоминания о диалекте нет в книгах: Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. М., 1966; *Comrie B. The Languages of the Soviet Union.* Cambridge, 1981. Единственное известное нам упоминание о диалекте сделано в кн.: *Haugen E. The Scandinavian Languages: An Introduction to their History.* London, 1976. P. 352. Однако в этой работе не сообщается, что диалект по-прежнему существует в селе.

¹² Указана численность шведского населения до 1940 г., когда эстонские шведы были переселены в Швецию. Цифры приводятся по кн.: *Lagman H. Svensk-estnisk språkkontakt: Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna.* Stockholm, 1971. S. 20. О природных условиях, населении, истории, культуре, ономастике и хозяйстве шведских поселений в Эстонии см.: *En bok om Estlands svenskar: Bosättningsområde, Historia, Andra världskriget och överflyttningen till Sverige, Folklig kultur.* Stockholm, 1961; *En bok om Estlands svenskar 2: Ortnamn och terrängord, Jordbruk och boskapsskötsel, Sjöfart och fiske, Livets och årets högtider.* Stockholm, 1964. Общая характеристика языковой ситуации в области распространения шведских диалектов в Эстонии

Ноароотси/Noarootsi (шв. Nuckö) и относящийся к нему о. Осмуссаар/Osmussaар (шв. Odensholm) — 3 335 чел., о. Вормси/Vormsi (шв. Ormsö) — 2 203 чел., о-ва Суур-Пакри и Вяйке-Пакри/Suur- ja Väike-Pakri (шв. Stora och Lilla Rågö), сёла Курксе/Kurkse (шв. Korkis) и Вихтерпалу/Vihterpalu (шв. Vippal) — 970 чел., о. Рухну/Ruhnu (шв. Runö) — 311 чел., о. Найссаар/Naissaar (шв. Nargö) — 179 чел. Около 1000 шведов жили в городах, из них 798 в Таллинне. На о. Хийумаа/Hiiuаа (шв. Dagö) шведское население исчезло в 30-е гг. Основным и наиболее изученным является диалект Нюккё. В этой и последующих работах мы будем пользоваться историческими шведскими названиями: Нáргё, Рóгё, Кóркис, Вíппаль, Ню́ккё, Оденсхольм, Óрмсё, Дáгё, Рю́нё.

Предшествующие исследования

§ 4. Библиография по Старошведскому и шведским поселениям в Эстонии (до 1997 г.) дана в книге С. Аппельгрена¹³. Основными опубликованными работами о диалекте являются:

— «Словарь шведских диалектов Эстонии», составленный Херманом Венделлем и вышедший в 1886 г.¹⁴ Вендель, один из пионеров изучения восточно-шведских диалектов, посетил село в июне 1881 г.¹⁵ и собрал там огромный лексический материал. Его словарь до сих пор является единственным опубликованным источником по лексике диалекта. Кроме Старошведского, словарь содержит лексику диалектов Нюккё, Ормсё, Дагё, Рогё и Виппалья. Диалект Рюне описан в отдельной книге¹⁶.

дана в кн.: *Lagman E. En bok om Estlands svenskar 3A: Estlandssvenskarnas språkförhållanden.* Stockholm, 1979. О положении шведского языка в Эстонии см.: *Kärk-Remes U. Från svenska till svenska i Estland // Studier i svenska språkets historia 7: Svenska språkets historia i Östersjöområdet.* S. 111–129.

¹³ *Appelgren S. Estlands svenskar och svenskbygd: Bibliografi.* Uppsala, 1997.

¹⁴ *Freudenthal A. O., Vendell H. A. Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna.* Helsingfors, 1886 (переиздано в 1982 г.). Собранный в этом словаре лексика впоследствии была включена в «Словарь восточношведских диалектов»: *Vendell H. Ordbok över de östsvenska dialekterna, I–IV.* Helsingfors, 1904–1907.

¹⁵ Его отчёт о поездке: *Vendell H. Ett besök i Gammalsvenskby 1881 // Svenskbyborna: 60 år i Sverige, 1929–1989.* Visby, 1989. S. 41–48.

¹⁶ *Vendell H. Runömålet: Ljud- ock formlära samt ordbok.* Stockholm, 1882–1887 (переиздано в 1982 г.).

— Две статьи Антона Карлгрена: «Старошведское: земля и люди», «Старошведское: фонетика и морфология диалекта»¹⁷. Карлгрен был в селе зимой 1905–1906 гг., однако статьи с результатами его работы вышли спустя много лет. Вторая из статей, изданная Н. Тибергом с его примечаниями, является на сегодняшний день единственным опубликованным описанием грамматики диалекта (по её состоянию на начало XX в.). Карлгрен собрал материал и для словаря, который, однако, не был издан.

— Работы Нильса Тиберга, основная из которых — монография «Особенности эстонско-шведских диалектов»¹⁸. Тиберг не приезжал в село, а интервьюировал тех носителей, которые в 1929 г. эмигрировали в Швецию. Данные Старошведского привлекаются им при интерпретации фонологических и морфологических явлений шведских диалектов Эстонии, однако систематического описания диалекта не даётся. Тиберг также является составителем картотеки шведских диалектов Эстонии, которая хранится в архиве Института языка и фольклора (Språk- och folkminnesinstitutet, SOFI) в Уппсале¹⁹.

Честь первопрободства в изучении диалекта принадлежит Венделлю. Вендель, Карлгрен и Тиберг работали независимо друг от друга (а Карлгрен — ещё и в конфронтации с Венделлем), чем объясняются противоречия между их работами.

Краткая справка о диалекте содержится в статье М. Йоалайд и Е. Юхам (авторы посетили село в 1981 г.)²⁰ В архиве SOFI в Уппсале хранятся материалы для словаря диалекта, собранные Я. Утасом²¹. Из других специальных работ для нашей темы важны следующие: две книги О. Ф. Хюльмана о восточношведских диалектах²², грамматика и словарь диалекта Нюккё Г. Данелля²³, обзорная работа

¹⁷ *Karlgren A. Gammalsvenskby: Land och folk // Svenska landsmål och svenskt folkliv. B. 27. Stockholm, 1924–1940; Karlgren A. Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av N. Tiberg // Svenska landsmål ock svenskt folkliv. B. 56. Stockholm, 1953.*

¹⁸ *Tiberg N. Estlandssvenska språkdrag. Lund, 1962.*

¹⁹ *Bergfors E. O. Nils Tiberg 1900–1980 // Svenska landsmål. 1981. S. 68–69.*

²⁰ *Joalaid M, Juhkam E. Röickssvenskarnas ättlingar i Ukraina // Svenskbyborna: 60 år i Sverige... S. 116–122.*

²¹ *Utas B. Jan Utas och Gammalsvenskby-ordboken // Svenskbyborna: 50 år i Sverige, 1929–1979. Visby, 1979. S. 89–94; Bergfors E. O. Jan Utas' manuskript "Gammalsvenskby-dialekten": En kort presentation // Svenska landsmål. 1978–1979. S. 190–195.*

²² *Hultman O. F. De östsvenska dialekterna. Helsingfors, 1894; Hultman O. F. Efterlämnade skrifter 2: Föreläsningar över de östsvenska dialekterna. Helsingfors, 1939.*

о шведских диалектах Эстонии Э. Лагмана²⁴, диссертация и статьи Х. Лагмана об эстонских, немецких и русских заимствованиях²⁵.

Источники и информанты

§ 5. Источниками исследования являются интервью с носителями диалекта, записанные нами в Старошведском в ходе экспедиций 2004–2009 гг. Всего состоялось шесть экспедиций. Они проводились в августе–сентябре, продолжительность обычно составляла две недели. Все интервью записаны цифровым плеером Sony MZ-RH10. Интервью были проведены со всеми носителями диалекта. Основными информантами являются Мелитта Фридриховна Прасолова (род. в 1926 г.), Анна Симоновна Люткó (род. в 1931 г.) и Лидия Андреевна Ётас (род. в 1933 г.). Их родители (и мать, и отец) были шведами. Вариант диалекта этих информантов отличается наибольшей сохранностью морфологии и словаря. Степень сохранности определяется в данном случае тем, насколько значительной была роль диалекта в повседневном общении в детстве.

Обзор фонетики и фонологии

Принципы записи (орфографии)

§ 6. В предшествующих исследованиях шведских диалектов Эстонии использовались по меньшей мере три варианта записи диалектных форм:

— Орфография, разработанная Х. Венделлем и применяемая в “Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna”. Она основана на стандартной шведской орфографии.

— Запись посредством “landsmålsalfabetet” («диалектный алфавит») применяется в работах Г. Данелля, А. Карлгрена, в “Ordbok över de östsvenska dialekterna” и “Runömålet” Х. Венделля. Landsmålsafabetet — это шведский аналог

²³ *Danell G.* Nuckömålet. Stockholm, 1905–1934. *Danell G.* Ordbok över Nuckömålet. Uppsala, København, 1951. Дополнение к словарю: *Isberg F.* Supplement till G. Danells Ordbok över Nuckömålet. Uppsala, 1970.

²⁴ *Lagman E.* En bok om Estlands svenskar 3A: Estlandssvenskarnas språkförhållanden. Stockholm, 1979.

²⁵ *Lagman H.* Svensk-estnisk språkkontakt... (рецензия на эту книгу: *Tauli V.* En bok om svensk-estnisk språkkontakt // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 1973. S. 58–66); *Lagman H.* Ryska lånord i estlandssvenska mål // Svio-estonica: Studier utgivna av svensk-estniska samfundet; XX (ny följd; 11). Lund, 1971. S. 3–29; *Lagman H.* Tyska lånord i estlandssvenska mål // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 1973. S. 11–57.

IPA, т.е. система специфических знаков, созданная в 1878 г. для фонетической транскрипции шведских диалектов²⁶.

— Орфография, максимально приближенная к стандартной шведской, используется в более современных работах (Н. Тибберг, Э. Лагман, Х. Лагман).

Разработанная и используемая нами в этой и последующих работах система записи близка к третьему варианту, а именно к тому, который используется Х. Лагманом²⁷. Во избежание разнобоя в записи при цитировании Венделля, Карлгрена (а также Данелля) и Лагмана, мы сочли целесообразным транслитерировать приводимые ими формы, пользуясь нашей системой. В нижеследующей таблице даны соответствия между системой записи в данной работе (первый столбец) и тремя вышеназванными вариантами. В последнем столбце приведены соответствующие символы IPA²⁸.

²⁶ Полную таблицу символов landsmålsalfabetet см., например, в кн.: *Malmberg B. Svensk fonetik*. Malmö, 1971. S. 139.

²⁷ *Lagman H. Svensk-estnisk språkkontakt*. S. 23–24, 166–168.

²⁸ Символы IPA приводятся по кн.: *Handbook of the International Phonetic Association: A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet*. Cambridge, 1999.

Гласные:

	Венделль	Карлгрен (landsmålsalfabetet)	Х. Лагман	IPA
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	a
<i>ā</i>	<i>á</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	a:
<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	e
—	<i>é</i>	—	<i>i, e</i>	e̞
<i>ē</i>	<i>é</i>	<i>ē</i>	<i>ē</i>	e:
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>ɪ</i>	<i>i</i>	i
<i>ī</i>	<i>í</i>	<i>ɪ</i>	<i>ī</i>	i:
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>ǫ</i>	o
<i>ō</i>	<i>ǫ</i>	<i>o</i>	<i>ǫ</i>	o:
—	—	<i>ɑ, ǫ</i>	<i>ǫ, ǭ</i>	ɔ, ɔ:
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	u
<i>ū</i>	<i>ó</i>	<i>o</i>	<i>ō</i>	u:
<i>ä</i>	<i>ä</i>	<i>e</i>	<i>ä</i>	ɛ
—	—	<i>æ</i>	<i>ä</i>	ɛ̞
<i>ā</i>	<i>æ</i>	<i>æ</i>	<i>ā</i>	ɛ:
<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>	œ
<i>ō</i>	<i>ø</i>	<i>o</i>	<i>ō</i>	œ:
—	<i>ø</i>	—	—	ø:
<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	(см. § 36)
—	—	<i>u</i>	<i>u</i>	ʉ
<i>ū</i>	<i>ú</i>	<i>u</i>	<i>ū</i>	ʉ:
—	<i>ə</i>	<i>ə</i>	—	ə
<i>äi</i>	<i>äi</i>	<i>eɪ</i>	<i>äi</i>	eɪ
<i>öü</i>	<i>öü</i>	<i>œy</i>	—	œy

Согласные:

	Венделль	Карлгрен (landsmålsalfabetet)	Х. Лагман	IPA
<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	b
—	—	<i>β</i>	—	β
<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	d
<i>ḍ</i>	<i>d</i>	<i>ḍ</i>	<i>ḍ</i>	<u>d</u>
—		<i>ɖ</i>	—	ɖ
—	<i>ð</i>	<i>ð</i>	—	ð
<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	f
<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	g
<i>ŋ</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>ng</i>	ŋ
<i>h</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	h

<i>x</i>	—	<i>x</i>	—	x
—	—	<i>ʃ</i>	—	ç
<i>j</i>	<i>i</i>	<i>ɶ</i>	<i>i</i>	j
<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	k
<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	l
<i>ɭ</i>	<i>l</i>	<i>ɭ</i>	<i>ɭ</i>	ɭ
—	<i>λ</i>	—	<i>hl</i>	<i>l̥</i>
<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	m
—	—	<i>nv</i>	—	ɱ
<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	n
<i>ɲ</i>	<i>n</i>	—	<i>ɲ</i>	ɲ
—		<i>n̥</i>	—	ɳ
<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	p
<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	r
—	<i>ɾ</i>	—	—	ʀ
<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	s
<i>ʂ</i>	—	—	—	ʃ
—	<i>s</i>	<i>ʂ</i>	<i>ʂ</i>	ʂ
—		<i>s̥</i>	—	ʃ̥
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	t
<i>ɖ</i>	<i>t</i>	<i>ɖ</i>	<i>ɖ</i>	ɖ
—		<i>t̥</i>	—	ɗ
<i>v</i>	<i>v</i>	<i>v</i>	<i>v</i>	v
—	<i>w</i>	—	—	w
—	<i>z</i>	—	—	z

Пояснения к таблице:

1) Долгие согласные обозначаются в нашей записи удвоением соответствующей буквы; так же у Венделля и Лагмана. В *landsmålsalfabetet* долгота и согласных, и гласных обозначается чертой под символом.

2) В IPA постальвеолярные (супрадентальные) согласные предлагается обозначать символами *ɖ*, *ɗ*, *ɳ*, *ʂ*²⁹, тогда как *ɖ*, *ɗ*, *ɳ*, *ʂ* обозначают ретрофлексные (какуминальные) согласные. Однако в шведской фонетике *ɖ*, *ɗ*, *ɳ*, *ʂ* используются для постальвеолярных. В данной работе мы также пользуемся символами *ɖ*, *ɗ*, *ɳ*, *ʂ* для обозначения постальвеолярных в транскрипции.

3) Некоторые знаки, используемые Венделлем и Карлгреном, не имеют соответствий в нашей системе (точно так же, не все знаки Венделля имеют соответствия у Карлгрена, и наоборот). При их транслитерации знаков мы будем пользоваться символами IPA. Эти знаки обозначают:

²⁹ Handbook of the International Phonetic Association. P. 8.

а) Звуки, которые в современном диалекте встречаются лишь sporadически, не являясь фонемами. У Венделля это *é* (закрытое *e* в безударных слогах), *ø* (долгое закрытое *ö*), *ə*. У Карлгрена — гласные *a*, *a* (закрытое краткое и долгое *o*), *æ* (краткое открытое *ä*), *u* (краткий эквивалент *ü*), *ə*; согласные *ʃ*, *v*.

б) Звуки, которые вообще не встретились в интервью. По-видимому, в современном диалекте отсутствуют согласные [ð] и [β] (ð у Венделля, ð, ð у Карлгрена), а также глухое *l* и дрожащее увулярное *r* (λ, *ṛ* у Венделля). Нет противопоставления постальвеолярных и ретрофлексных согласных, приписываемого диалекту Карлгреном (*ɖ, ʈ, ʂ* vs. *d, t, s, n*): согласные, обозначаемые нами как *ɖ, ʈ, ɳ* являются постальвеолярными и аудитивно не отличаются от обычных шв. *rd, rt, m*. Согласный *ʂ* не отличается от рус. *ш*.

Согласные

§ 7. Согласные фонемы и их основные реализации: /p/ [p], /t/ [t], /t̥/ [t̥], /k/ [k], /b/ [b], /d/ [d], /d̥/ [d̥], /g/ [g], /f/ [f], /v/ [v], /s/ [s], при ассимиляции по звонкости — [z] (§ 26), перед *l* внутри слова — [x] (§ 20), /ʃ/ [ʃ], /h/ [h], редко [x], /m/ [m], /n/ [n], перед *k* [ŋ], /ŋ/ [ŋ], /l/ [l, ɭ], /r/ [r], /j/ [j]. Фонемы /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/, /s/, /ʃ/, /m/, /n/, /ŋ/, /l/, /r/, /j/ имеют как краткую, так и долгую реализацию. Фонемы /d̥/, /f/, /v/, /h/ имеют только краткую реализацию, /t̥/ — только долгую (однако см. § 14).

§ 8. Согласные *p, t, k* не аспирированы, что является чертой всех шведских диалектов Эстонии и считается результатом эстонского влияния³⁰.

§ 9. /l/ реализуется как [l] и [ɭ]. Первый из этих аллофонов аналогичен шв. *l* в *lära, mål*, второй является ретрофлексным флэпом (толстое *l*).

§ 10. [l] встречается в следующих позициях:

1) В начале корня: *lilldär* ‘маленький’, *līas* ‘слушать’, *lōgär* ‘низкий’, а также в суффиксе *-läik*: *brēläik* ‘ширина’, *dūpläik* ‘глубина’, *höüläik* ‘высота’, *lōŋläik* ‘длина’.

2) В удвоении: *bill* ‘дядя’, *bällat* ‘беременная’, *milla* ‘между’, *päll* ‘фартук’, *skall* ‘череп’, *vallar* ‘пастух’. Сюда же относятся такие формы как *bilk* [-l:k] ‘тётя’ (**bill-kunu*) и *älva* [-l:v-] ‘одиннадцать’ (др.-шв. *ällivu*). Ср. также *väliŋ* ‘суп’, где *l < ll* (шв. *välling* ‘молочная каша’).

3) Перед и после *d, t*: *baldär* ‘громыхать’, *föld* ‘складывать’, *fräidlendär* ‘весёлый’, *färald* ‘бабочка’, *möld* ‘лебедя’, *müld* ‘рыхлая земля’, *nüdlar* ‘лапша’, *pruddl* ‘бормотать’, *täld* ‘простыня’, *bält* ‘пояс’, *filt* ‘лёгкое одеяло’, *hölt* претерит от *höld* ‘держат’, *salt* ‘соль’, *bittle* ‘рано’.

³⁰ *Lagman E.* Op. cit. S. 84.

4) После *s*, *x*: *slit* ‘разрывать’, *slō* ‘бить’, *släiv* ‘половник’, *aksl* ‘ось’ (если только это не шведское заимствование), *krüslatär* ‘волнистый (о волосах)’; *gnixl* ‘скулить’, *mäxliŋ* ‘оспа’. Примеры на *ls* внутри морфем в исконных словах отсутствуют, т.к. в этом случае $ls > \varsigma$ (§ 15). Однако *l* встречается перед *s* + согласный: *bülstär* ‘перина’, *hällstär* ‘верба’, *ilskap* ‘вред’, *älsk* ‘хотеть’. В выражении *gälvssinn* (ответ на *Ge kvældär* ‘добрый вечер’) произошла метатеза *l*, ср. шв. *Gud välsigne dig* ‘да благословит тебя Бог’.

5) На месте исторического *rl*: *hōle* ‘очень’ (< “hårdligt”³¹), *käliŋ* ‘женщина’ (исл. *kerling* ‘старуха’). О *rl* на синхронной границе морфем см. § 17.

6) После *i* и *äi*: *fīl* ‘напильник’, *kvīl* ‘отдых’, *kvīlas* ‘отдыхать’, *sīl* ‘процеживать’, *sīlar* ‘дуршлаг’; *däil* ‘делить’, *fäilas* ‘недоставать, не хватать’, *färfäil se* ‘ошибаться’.

§ 11. [ɾ] встречается:

1) Между гласными и в конце слова после гласных: *fālan* ‘красивый’, *koŋe* ‘кто’, *soŋe* ‘сам’, *suŋo* ‘подошва’; *fīl* ‘птица’, *nāl* ‘ноготь’, *nōl* ‘иголка’, *nōl* ‘штопать’.

2) Перед *k*, *g*, *p*, *m*, *v*, *f*: *folk* ‘люди’, *kalk* ‘известь’, *solkatär* ‘грязный’; *fölge* ‘проводить’, *svölge* ‘глотать’, *talg* ‘воск’; *hölp* ‘помогать’, *stölpas* ‘спотыкаться’; *bölm* ‘взбалтывать’, *hałm* ‘солома’, *svalm* ‘пар’; *gołv* ‘пол’, *hałv-* ‘пол-’, *kałv* ‘теленок’, *tołva* ‘двенадцать’; *höłft* претерит от *hölp* ‘помогать’.

3) После *k*, *g*, *p*, *b*, *v*, *f*: *hankl* ‘рукавица’, *kłē* ‘ткань’, *kłipp* ‘резать ножницами’, *kłistär* ‘белишь’, *kłukst* ‘кудахтать’, *kłänke* ‘вешать’, *likłendär* ‘счастливый’, *nikł* ‘клубок’, *tikkłe* ‘часто’; *glās* ‘стекло’, *glē se* ‘радоваться’, *glēm* ‘забывать’, *sorgłendär* ‘грустный’, *öügl* ‘сова’; *plant* ‘растение’, *äpl* ‘яблоко’; *blē* ‘кровоточить’, *blī* ‘становиться’, *blū* ‘кровь’; *flēt* ‘плести’, *flīk* ‘детское одеяло’, *flū* ‘летать’; *gnavlar* презенс от *gnavöl* ‘глодать’.

4) В начале некоторых словообразовательных морфем, например *-liŋ*: *armliŋ* ‘бедняга’, *tumliŋ* ‘большой палец’.

§ 12. В заимствованиях вместо *l* в перечисленных позициях обычно встречается *l*: *balk* ‘балка’, *blūd* ‘блюдец’, *butl* ‘бутыль’, *bälet* ‘лицо’, *himm(ä)l* ‘небо’ (наряду с *himmäl*), *kalkün* ‘индюк’, *kittl* ‘пиджак’, *kłēb* ‘клеить’, *kolb* ‘кукурузный початок’, *Malmas* фамилия (вместо *Małmas*³² под влиянием русского произношения), *plats* ‘место’, *plitt* ‘кухонная плита’, *pülk* ‘колышек’, *Sigalet* фамилия, *sikk(ä)l* ‘велосипед’, *silke* ‘шёлк’, *silvär* ‘серебро’, *skāl* ‘жеребец’³³, *spāl*

³¹ Danell. Nuckömmålet. S. 183.

³² Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 142.

³³ Ср. у Венделля *skāl* (Ibid. S. 200).

‘играть (на музыкальном инструменте)’, *ştuþpl* ‘собирать остатки после сбора урожая’, *tāf(ä)l* ‘классная доска’, *tilk* ‘капля’, *trokkl* (наряду с *trokköl*) ‘наскоро зашивать’, *volok* ‘волок (рыболовная снасть)’.

§ 13. Постальвеолярные *t̥*, *d̥* (которые никогда не заменяются в диалекте на [rt], [rd]) возникли:

1) Из *rt̥*, *rd̥*: *sjätta* ‘сердце’, *skjott̥* ‘рубашка’, *ditt̥*, *stutt̥*, *svoitt̥*, *süitt̥*, *toitt̥* ср. р. от *diran* ‘дорогой’, *stūran* ‘большой’, *svōran* ‘тяжёлый’, *sūran* ‘кислый’, *torran* ‘сухой’, *vott̥*, *jatt̥* ср. р. от *vōr* ‘наш’, *jār* ‘ваш’; *gōd̥* ‘двор’, *hōdār* ‘тесный; чёрствый’, *hēd̥*, *id̥*, *lād̥*, *mīd̥*, *ōd̥*, *rēd̥* претерит от *hēr* ‘слышать’, *ir* ‘мести (о снеге)’, *lār* ‘учить’, *mīr* ‘строить стену’, *äre* ‘пахать’, *rēr* ‘мешать’.

2) Из *lt̥*, *ld̥* на стыке морфем: *bott̥*, *fatt̥*, *fütt̥* ср. р. от *bōlan* ‘тупой’, *fālan* ‘красивый’, *fūlan* ‘плохой’, *skjōd̥*, *svōd̥*, *tjōd̥* претерит от *skjōle* ‘полоскать’, *svölge* ‘глотать’, *tjölge* ‘строгать’. Внутри морфем *lt̥*, *ld̥* сохраняются (§ 10.3).

§ 14. Согласный *t̥* практически всегда долг, *d̥* — краток. Исключения: *atoṭa* (также *aṭōta*) ‘восемнадцать’, *aṭetande* ‘восемнадцатый’, формы ср. р. *bāt̥*, *bōt̥*, *hāt̥*, *svāt̥*, а также *gammāt̥*, *vakāt̥* прилагательных *bāran* ‘голый’, *bōlan* ‘тупой’, *hālan* ‘скользящий’, *svālan* ‘прохладный’, *gamlan* ‘старый’, *vakran* ‘добрый’ (возможны колебания: [ha:t̥] наряду с [ha:t̥] и [ha:t̥]); *fedd̥* (наряду с *fēd̥*) претерит от *fēr* ‘вести’.

§ 15. Согласный *ʃ* является альвеолопалатальным [ʃ] и совпадает по аудитивному восприятию с рус. ш. Он возник на месте *rs* и *ls*: *bōšt̥* ‘щётка’, *buʃʃ-klē* ‘скатерть’, *foʃʃ* ‘быстрина’, *foʃt̥* ‘прихожая’, *fāʃt̥* ‘первый’, *Kāʃon* ‘Херсон’, *silkesbaʃʃ-trā* ‘шелковица’, *toʃta* ‘хотящий пить’, *ättāʃt̥* ‘последний’, *stēʃt̥* превосх. степень от *stūran*; *hāʃ* ‘шея’, *tjō-ʃe* (< *tjōl se* в выражении *kuma tjō-ʃe* ‘приходить в сознание’). В наречии *soʃʃ* ‘так’ (ср. *sō*) *ʃʃ*, по-видимому, было добавлено по аналогии с *höʃʃ* ‘как’.

На стыке морфем возможно как [ʃ], так и [rs]: *ēr-snipa* ‘мочка уха’, *finstāʃ-klē* ‘занавесь’, *fārʃpāl̥* (также встретилось произношение *fārʃpāl̥*) ‘проигрывать’, *fārʃtēr* (*fāʃtēr*, *fārʃtēr*) ‘беспокоить’, *fārʃáin se* ‘опаздывать’, *giftā-ʃe*, *gā-ʃe* (< *giftār se*, *gār se*) презенс ед. ч. от *gift se* ‘жениться’, *gāra se* ‘делаться’, *petārsilljar* (наряду с *petāšilljar* и *petāršilljar*) ‘петрушка’, *pipaʃkái* (также *pipar-skái*) ‘перец’.

§ 16. На месте *m* внутри морфем в современном диалекте слышится только [n] и никогда [ŋ]³⁴. Такие слова как ‘ребёнок’, ‘рог’, ‘ячмень’ произносятся [bo:n], [hu:n], [ku:n]. Однако на стыке морфем *m*, *ln* часто реализуются как [ŋ]. Постальвеолярное *n* чаще всего слышится в форме определённого единственного

³⁴ Примеры на *ln* внутри морфем отсутствуют.

числа односложных существительных м. р. с корнями, оканчивающимися на *r* и *l*: *būn*, *fūn*, *spōn*, *tūn* опр. ед. ч. от *būr* ‘клетка’, *fūl* ‘птица’, *spōl* ‘зеркало’, *tūr* ‘бык’; ср. также *sūn* ‘прокисать’. В то же время, в двусложных существительных с основой на *-ar* вместо *n* в форме опр. ед. ч. чаще слышится *n* (т.е. *arbetan* и т.д.). Например, только с *n* были названы такие существительные как *arbetar* ‘рабочий’, *blū-sūar* ‘пьявка’, *būtar* ‘врач’, *drikkjar* ‘пьяница’, *fiskjar* ‘рыбак’, *hakk-spikkar* ‘дятел’, *kērar* ‘водитель’, *lārar* ‘учитель’, *moļar* ‘мельник’, *monnar* ‘утро’, *mūrar* ‘каменщик’, *post-bārar* ‘почтальон’, *silar* ‘дуршлаг’, *vaftar* ‘сторож’. Как с *-n*, так и с $\frac{1}{2}n$ встретились существительные *biggjar* ‘строитель’ (*biggjaŋ* АЛ, *biggjan* ЛУ), *bokar* ‘пекарь’, *komar* ‘комната’, *kūkar* ‘повар’, *kāllar* ‘подвал’, *spikar* ‘кладовка’, *vallar* ‘пастух’. Существительные *homar* ‘молоток’, *sjōļjar* ‘продавец’ встретились только с *-n*. Такое же чередование *n* и $\frac{1}{2}n$ наблюдается у существительных м. р. с двусложными основами на *är*, *äl*, *öl*, хотя у них *n* преобладает не столь чётко.

§ 17. Постальвеолярное *l* в диалекте отсутствует. Судя по имеющимся примерам, *rl* внутри морфем дало *l*: ср. *kāliŋ* [keliŋ] ‘женщина’ и исл. *kerling*. На границе морфем возможно как *rl*, так и *l*: ср. *fārlót me* ‘извини’ и *felótāls* ‘разрешение’, *fārlít se* наряду с *fālit se* ‘надеяться’.

§ 18. Относительно статуса *ʈ*, *ɖ*, *ʂ* можно предложить следующее решение: внутри морфем они являются фонемами, тогда как на границе морфем они являются реализациями /rt/, /rd/, /rs/, /ld/, /lt/. Постальвеолярный согласный [ŋ] на границе морфем является реализацией /rn/ и /ln/, а в таких формах как *gōdŋ* [go:dŋ] опр. ед. ч. от *gōd* ‘двор’ — аллофоном /n/.

§ 19. /f/ в исконных словах встречается только в начале слова и перед согласными: *froka* ‘запах’, *sāfta* ‘медленный’. Между гласными и в конце слова — только в заимствованиях: *tāf(ä)l* ‘доска в школе’, *tsifār* ‘цифра’, *brif* ‘письмо’. Примеры /f:/ в исконных словах отсутствуют. Существительное *gaffl* ‘вилка’ является результатом контаминации исконного *gafäl*³⁵ со шв. *gaffel*. Существительное *skifl* ‘лопата’ (вместо исконного *skifäl*³⁶) также изменилось (утратило *l*) под влиянием шв. *skyffel*, но сохранило краткое *f*.

§ 20. Шведскому *-ssl-* в современном диалекте соответствует [x:l]: *nāxlar* ‘крапива’³⁷. Вероятно, [x:] следует считать позиционным вариантом /s:/, встречающимся внутри слова перед *l*. Закономерной формой существительного ‘веко’ является **öix-lokk* < *öüs-lokk*, где *sl* на стыке морфем дало *xl*. В интервью

³⁵ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 64.

³⁶ *Ibid*. S. 190.

³⁷ Существительное *māxliŋ* ‘оспа’ может произноситься не только с [x:l], но и с [x:ɾ] под влиянием других существительных с *-liŋ*.

встретились формы *öüxs-lokk* (с вторичным *s* под влиянием композитов типа *arbets-mann* ‘рабочий’), *öüs-lokk* (с восстановленным *sl*), *öüks-lokk* (переход *xs > ks?*). Согласный *x* также слышится перед *j* в *xjöl* ‘пятка’, *slō xjöl* ‘убить’. В анлауте *sl-* сохраняется.

§ 21. Согласные *g, k* перед гласными переднего ряда сохраняются (т.е. произносятся как [g, k]): *girm* ‘сквозь’, *gits* ‘думать’, *gära* ‘делать’, *gäva* ‘давать’, *gäi* ‘лаять’, *gölandär* ‘жёлтый’, *göük* ‘кукушка’, *kēk* ‘кухня’, *kimb* ‘корыто’, *kirke* ‘церковь’, *känn* ‘трогать’, *kätt* ‘мясо’, *skära* ‘резать’ и т.п. Ср. также *Gēses* ‘Иисус’, где [g], возможно, возникло под влиянием *Gū* ‘Бог’: *Geses* могло контаминировать с *Gū* в таком выражении как *Ge sinne de* ‘да благословит тебя Бог’ (с ударением на *sinne*), которое может быть истолковано и как *Geses sinne de*, и как *Gū sinne de*. Сочетания *rg, lg* всегда произносятся как [rg], [rg]: *argär* ‘злой’, *bärg* ‘берег’, *märg* ‘мозг’, *Svärge* ‘Швеция’, *hölg* ‘праздник’, *talg* ‘воск’.

§ 22. Сочетания *dj, gj, nj, sj, tj* (примеры на *kj* отсутствуют) отражены в современном диалекте как соответствующие палатализованные согласные. Палатализация обозначается с помощью *j*: *djūr* [dʲ-] ‘зверь’ (но *dū* [dʰ:] ‘голубь’), *vīdje* ‘прут’, *gjūd* претерит к *gära* ‘делать’, *sjānd* ‘с тех пор как’, *sjūn* ‘человек’, *sjäksa* ‘шесть’, *sjäksta* ‘шестнадцать’, *sjöl* ‘душа’, *bissja* ‘конура’, *tjānd* ‘сюда’, *tjāro* ‘смола’, *tjölge* ‘вырезать’.

§ 23. Перед *ū* согласные *t, s, n* всегда палатализованы, независимо от того, восходят ли они к *tj, sj, nj* или нет. В этом случае палатализация не обозначается: *tū* ‘вор’, *tū* ср. р. от *tfō* ‘два’, *tū* ‘двадцать’, *tūr* ‘бык’, *stū* ‘дом’, *stū-fār* ‘отчим’, *stū-mūār* ‘мачеха’, *sū* ‘жужжать, шипеть’, *sū* ‘сосать’, *sūa* ‘семь’, *blū-sūar* ‘пьявка’, *sūl* ‘колесо’, *sūran* ‘кислый’, *nūr* ‘почка’, *nūs* ‘чихать’, *knūt* ‘узел’.

§ 24. Сочетания *lj, llj* обычно реализуются как [λ] (палатальное *l*): *ljū* ‘лгать’, *ljūs* ‘свеча’ (но *lūs* ‘вошь’), *ljūsär* ‘светлый’, *famillja* ‘семья’ (опр. ед. ч.), *ballje* [baλ:ɛ] ‘ванна’ (опр. ед. ч. *ballja* [baλ:a], мн. ч. *balljar* [baλ:ar]). *nnj* также обычно произносится как [ɲ]: *dinnja* [-ɲ:-] опр. ед. ч. от *dinne* ‘дыня’.

§ 25. Сочетание *hj* (исконное, а не возникшее в результате восточношведского преломления) перешло в *sj*: *sjūn* [sʲu:n] ‘человек’ (шв. *hjon*), *sjätta* ‘сердце’, ср. *xjöl* ‘пятка’ (шв. *hāl*).

§ 26. Группы *skj, snj, spj, stj* отражены как [skʲ] и т.д.: *skjött* ‘рубашка’, *skjūt* ‘стрелять’, *snjū* ‘снег’, *spjūt* ‘жало’, *stjēn* ‘звезда’, *stjätt* ‘хвост’, *stjōla* ‘красть’. В приведённых примерах может более или менее отчётливо слышаться [j]: *skjött* [skj-] наряду со [skʲ-].

§ 27. В результате регрессивной ассимиляции /s/ перед звонкими согласными часто реализуется как [z], например *arm[z]-bōa* ‘локоть’, *bürjan[z]-büisk*

‘бурьян’, *gädiŋ[z]-bū* ‘осиное гнездо’, *Ni-bi[z]-gatna* улица в дореволюционном Старошведском, *rū[z]-büsk* ‘розовый куст’, *rāven[z]-bōa* ‘радуга’, *vínagrad[z]-büsk* ‘виноградный куст’.

Другие примеры озвончения вследствие регрессивной ассимиляции: *sō[r]-bita* ‘кусочек мыла’, *öü[kʂ]-brūn* ‘бровь’, *hö[z] de kēr tit?* ‘как туда добраться?’
Примеры оглушения: *vínagra[ts]-klips* ‘виноградная гроздь’, *öü[k]-stāin* ‘зрачок’.

§ 28. Примеры прогрессивной ассимиляции: *tīstan* ‘вторник’, *tūstan* ‘четверг’, *unstan* ‘среда’ (ср. *mondan*, *frīdan*, *löüdan*); *ɗn* > *ɗ̃n*, например *gōɗ̃n* опр. ед. ч. от *gōɗ* ‘двор’, *būɗ̃na* опр. мн. ч. от *būɗ* ‘стол’, *ūɗ̃nar* мн. ч. от *ūɗ* ‘слово’.

§ 29. В славянских и немецких заимствованиях встречаются согласные [ʒ], [ɣ], [ç]: *bokle[ʒ]áne* ‘помидор’, *stro[ʒ]ak* ‘матрас’ (нем. *Strohsack* с метатезой и озвончением [ʃ]), [ɣ]*oste* ‘гости’, [ɣ]*armónika* ‘гармошка’ (*spāl po [ɣ]armónika* ‘играть на гармошке’), *gezi[ç]t* ‘лицо’.

Гласные

§ 30. Фонологически релевантными признаками гласных являются ряд и подъём. Огубленность не является фонологически релевантным признаком. Соответствующие краткие и долгие гласные совпадают по качеству, за исключением *ü* [ø] ~ *ū* [u:].

§ 31. Краткие гласные:

/i/ [i], [i̥], [e̥], [y]		/u/ [u]
		/o/ [o]
/ä/ [ɛ], [œ]	/ü/ [ø], [u]	
	/a/ [a]	

§ 32. /i/ обычно реализуется как [i]. Спорадической реализацией является [i̥] — более заднее *i*, аудитивно напоминающее рус. *ы* (по словам носителей, *i* в *dīje* ‘навоз’ произносится так же как *ы* в *дыня*). Оно встретилось в таких словах как *r[i̥]ŋŋ* ‘кольцо’, *r[i̥]sse* ‘рыболовная снасть’, *r[i̥]ss* ‘русский’³⁸, *R[i̥]sslant* ‘Россия’, *r[i̥]st* ‘полоса’, *skr[i̥]ll-skūar* ‘коньки’. Также в славянских заимствованиях: *d[i̥]nne* ‘дыня’, *kr[i̥]ss* ‘крыса’, *d[i̥]sl* ‘дышло’. В отдельных словах /i/ реализуется как [e̥], закрытое *e*, напоминающее *i*: *l[e̥]vär* (наряду с *livär*) ‘живёт’ (слово ‘печень’ встречается только с *i*: *livär*), *sl[e̥]ve* ‘слива’ (наряду со *slive*).

§ 33. *i* [i] не встречается в открытых моносyllабах, где используется [e̥], являющееся результатом нейтрализации *i* ~ *ä* в этой позиции (ср. § 38). Примерами являются «сильные» (ударные) формы местоимений: *me*, *te* (объекты к

³⁸ Заметим, что Данелль приводит *riss* наряду с *ress* (*Danell. Ordbok. S. 333*).

ja ‘я’, *tö* ‘ты’), *se* ‘себя’, *ve* ‘мы’, *ne* ‘вы’, *he* ‘оно’. Эти формы следует отделять от энклитик *de* (объект к *tö*), *e* ‘оно’ с безударным [ɛ], типичным для безударных слогов (§ 56).

§ 34. /i/ в положении перед *re* < **rj* может реализовываться как [y], особенно в интервью с ЛУ: *byre* ‘начинать’ (*b[i]re* АЛ, *b[ɛ]re* МП).

§ 35. /ä/ перед *l* реализуется как [œ] (см. примеры в § 37), в остальных случаях — как [ɛ], например *gädd* ‘щука’, *gässär* мн. ч. от *gös* ‘гусь’, *hänt* ‘приносить’, *mä* ‘с’, *änt* ‘не’, *ätt* ‘после’. Рядом с *l*, *l̥*, *r* (особенно в речи АЛ) /ä/ имеет тенденцию к более открытому произношению, [ɛ], например в *härν* ‘моток’, *kräll* ‘бусы’, *märr* ‘кобыла’, *präst* ‘священник’, *päll* ‘фартук’, *träsk* ‘река’, *äp!* ‘яблоко’, *ärm* ‘рукав’.

§ 36. /ü/ обычно реализуется как [ɜ], среднеоткрытый огубленный гласный среднего ряда. В отличие от стандартного шведского краткого *u* [ø], при произнесении [ɜ] губы выдвигаются вперёд; кроме того, [ɜ] является более открытым. Возможно, однако (особенно в интервью с ЛУ), произнесение этого гласного как [ɯ], что устраняет качественное различие *ü* и *ū*. Предшествующие исследователи не дают точного определения артикуляции этого специфического гласного. Вендель указывает, что он находится между шв. *u* и *y* (*u—y*), Карлгрен утверждает, что он отличается как от шв. *u*, так и от *ö*, находясь по качеству приблизительно между этими гласными³⁹.

§ 37. В положении перед *l* гласные *ä* и *ü* перешли в *ö*, совпав со старым *ö* (которое, в свою очередь, сохранилось только в этой позиции). Таким образом, позиция перед *l* является позицией нейтрализации /ä/ ~ /ü/. Примеры *ä* > *ö*: *hölg* ‘праздник’, *hölp* ‘помогать’, *stjöl̥k* ‘стебель’, *söle* ‘продавать’, *ölg* ‘лось’ (шв. *helg*, *hjälpa*, *stjälk*, *sälja*, *älg*). Примеры *ü* > *ö*: *gölandär* ‘жёлтый’, *mölandär* ‘пасмурный’ (шв. *gul*, *mulen*). Пример исконного *ö* — *mölk* ‘молоко’.

§ 38. Судя по немногочисленным примерам, *ü* > *ö* также в открытом слоге: *nö* ‘сейчас’, *tö* ‘ты’. Сюда же относятся формы *flöu* [-œ'u] ‘муха’ (в интервью с ЛУ; *flüu* АЛ), *döas* ‘подходить, быть годным’, *röo* ‘корка на ране; струп’, где *ȫ* < *ö̇* < *ü*.

§ 39. Таким образом, гласный *ö*, как правило, встречается только перед *l* и в открытых слогах. Имеется, однако несколько форм, в которых *ö* слышится не перед *l*: *fjörete* ‘сорок’, *fjötta* ‘четырнадцать’, *e fjödest* (также *e fjödest*) ‘в прошлом году’, *höss* ‘как’, *njörk* ‘квакать’, *sjöηη* ‘петь’, *tröška-kvåit* ‘кукуруза’, в супинах *flöte*, *skjöte* (наряду с *flüte*, *skjöte*) от *flüt* ‘плыть’, *skjüt* ‘стрелять’.

§ 40. Долгие гласные:

³⁹ *Freudenthal, Vendell. Op. cit. S. 8; Karlgren. Gammalsvenskby: Uttal och böjning. S. 11.*

/i/ [i:]	/ü/ [ʏ:]	/ū/ [u:]
/ē/ [e: ⁱ], [ɛ:]		/ō/ [o:], [o:]
/ā/ [ɛ:], [œ:]		
	/ā/ [a:]	

§ 41. /ē/ имеет две реализации. Первая из них, дифтонгоид [e:ⁱ], встречается внутри морфем, как в закрытых, так и в открытых слогах: *hēn* ‘курица’, *ēra* ‘ухо’, *fētär* мн. ч. от *fūt* ‘нога’, *ēnd* ‘конец’. Вторая реализация, [ɛ:] (закрытое *ē*), встречается в конце морфем: *brē* ‘хлеб’, *brēär* мн. ч. от *brūär* ‘брат’, *dēär* ‘мёртвый’, *kē* ‘цепь’, *klē* ‘ткань’, *knē* ‘колени’, *lē* ‘смеяться’, *sē* ‘зерно’, *smē* ‘кузнец’, супины *gnēe*, *rēe*, *vrēe* от *gnī* ‘тереть’, *rī* ‘ехать верхом’, *vrī* ‘крутить’. Внутри морфем [ɛ:] слышится после *j*, *stj*, *tj*: *jēn* ‘железо’, *stjēn* ‘звезда’, *tjēn* ‘служить’, *tjēnar* ‘работник’.

§ 42. /ā/ также имеет две реализации: [œ:] перед *l* (см. § 43), [ɛ:] в остальных позициях. Примеры [ɛ:]: *brāa* ‘доска’, *bāa* ‘просить’, *drān* ‘конюх’, *fādes* ‘готовый’, *hād* ‘плечо’, *jār* презенс ед. ч. от *vara* ‘быть’, *rāt* ‘правильно’, *rāv* ‘лис’, *rāven* ‘дождь’, *slāp* ‘тащить’, *trā* ‘дерево’, *ān* ‘что (союз); ещё’.

§ 43. В положении перед *l* гласные *ē* и *ā* перешли в *ō*, совпав со старым *ō* (которое, в свою очередь, характерно только для этой позиции). Таким образом, позиция перед *l* является позицией нейтрализации /ē/ ~ /ā/. Примеры *ē* > *ō*: *tjōl* ‘для’⁴⁰, *spōl* ‘зеркало’ (шв. *spegel*); пример *ā* > *ō*: *sjōl* ‘душа’ (шв. *själ*); примеры исконного *ō*: *f(j)ōl* ‘жеребёнок’, *jōl* ‘пиво’, *mōl* ‘мука’ (шв. *föl*, *öl*, *mjöl*).

§ 44. Гласный [œ:] встречается, как правило, только перед *l*. Имеется, однако, несколько форм, где [œ:] используется не перед *l*: *kjōd* ‘холод’, *skjōd*, *svōd*, *tjōd* претерит от *skjōle* ‘полоскать’, *svōlge* ‘глотать’, *tjōlge* ‘строгать’.

§ 45. [ʏ:] совпадает по качеству со шв. *u* в *hus*. Перед *l* *ü* не переходит в *ö*, в отличие от *ü*: *fül* ‘птица’.

§ 46. В положении перед конечными *r*, *l* гласные *ü*, *ō*, *i*, *ē* часто произносятся как дифтонгоиды [ʏ:^e], [œ:^e], [i:^e], [e:^e]: *mür* [mʏ:^er] ‘каменный забор’ (но мн. ч. *mürar* [mʏ:^erar] — неконечное *r*), *fül* ‘птица’, *jōl* ‘пиво’, *ir* ‘мести (о снеге)’, *mür* ‘строить стену’, *hēr* ‘здесь’, *rēr* ‘мешать’, *snēr* [sne:^er] ‘верёвка’ (но *snērär* [sne:^erar] мн. ч.). Тот же призвук возникает после дифтонга *öü* перед конечными *r*, *l*: *böül* [bö:^eʏ:^r] ‘реветь’, *möür* ‘муравей’.

§ 47. Наиболее типичной реализацией /ō/ является [o:], закрытое *o*. Она характерна для следующих позиций:

⁴⁰ **tīl* > **tēl* > **tēl*, с *e*, удлинившимся в закрытом слоге. О понижении *i* > *e* см.: Wessén E. Svensk språkhistoria I: Ljudlära och ordböjningslära. Stockholm, 1968. S. 56 (§ 35).

1) Перед *mb, nd, ld*: *d[ɔ:]mb* ‘пыль’, *l[ɔ:]mb* ‘ягнёнок’; аналогично *blōnd* ‘смешивать’, *bōnd* ‘шнурок’, *lōndār* презенс от *l[ɔ:]n* ‘занимать’, *ōndas* ‘дышать’, *sōnd* ‘песок’, *rōnd* ‘край’; *fōld* ‘складывать’, *hōld* ‘держатъ’, *mōld* ‘лебедя’.

2) В открытом слоге перед безударным *a*: *d[ɔ:]ar* мн. ч. от *dā* ‘день’, *hōa* ‘иметь’, *mōa* ‘желудок’, *sōa* ‘спать’, *tōa* ‘братъ’.

3) В открытых моносиллабах: *f[ɔ:]* ‘сдирать (кору, шкуру)’, *gō* ‘идти’, *kō* ‘древесная смола’, *lō* претерит от *ligge* ‘лежать’, *sō* ‘сеять’, *sō* претерит от *sōa* ‘спать’ и *sī* ‘видеть’, *stō* ‘стоять’, *strō* ‘солома’, *tō* ‘фитиль’.

Кроме того, *[ɔ:]* встречается без какой-либо видимой закономерности в отдельных словах: *bōn* ‘ребёнок’ (в этом слове *ō* обычно настолько закрыто, что напоминает *ū*), *grōt* ‘плакать’, *hōn* ‘самка’, *hōr* ‘волосы’, *kōl* ‘капуста’, *lōs* ‘замок’, *mōl* ‘рисовать’, *nōt* ‘ночь’, *sōg* ‘пила’⁴¹.

Наряду с закрытым вариантом, *ō* часто реализуется как «обычное» *o*: наряду с произношением *bl[ɔ:]är* так же возможно произношение *bl[o:]är* ‘синий’.

§ 48. В диалекте имеется два дифтонга: *äi* [ei], *öü* [œy]. Первый компонент дифтонга *äi* обычно является полудолгим, дифтонга *öü* — долгим. Примеры: *bäin* ‘нога; кость’, *däi* ‘тесто’, *fräi* ‘семья’, *läiv* ‘оставлять’, *äik* ‘лошадь’; *böün* ‘фасоль’, *göük* ‘кукушка’, *löü* ‘листва; ботва’.

§ 49. Дифтонги обычно сокращаются перед долгим согласным или группой согласных, при этом второй элемент дифтонгов становится сверхкратким. Ср. формы прилагательного ‘целый’: *häildär* [hɛilder] м. р. ед. ч. и *hail* [hɛ:il] ж. р. ед. ч. Ср. также форму *äitt* [ɛit:] ‘одинаковый’, которая всегда несёт фразовое ударение, и неопределённый артикль ср. р. *äit* [ɛ:it], являющийся безударным и произносящийся с кратким *t*, перед которым дифтонг не сокращается. Другие примеры: *g[ɛi]glar* ‘жабры’, *[ɛi]ld* ‘огонь, свет, костёр’, *[œy]ks-brün* ‘бровь’.

§ 50. Дифтонг *öü* > *ö* в *brülöp* ‘свадьба’, *kvit-lök* ‘чеснок’, *kvitlöks-hü* ‘головка чеснока’. В интервью с АЛ встретилось *kvit-l[œy]k*, но *kvitlöks-hü*.

§ 51. Глайды: [j], [w]. Глайд [j] возникает перед или после гласных переднего ряда: *hontá[j]e* (опр. ед. ч. от *honta* ‘рукоять’), *träsk-lí[j]en*, *-lí[j]ar*, *-lí[j]ana* (формы существительного *träsk-lí* ‘берег реки’), *brä[j]a* ‘доска’ в интервью с ЭУ (*brāa* в интервью с ЛУ и АЛ), *bräi[j]är* ‘широкий’, *skäia* [skei.ja] (опр. ед. ч. от *skäi* ‘стручок’). Глайд [w] возникает после *ü* и *öü*: *öüa* [œy.wa] ‘глаз’, *klöüa*

⁴¹ Колебание между закрытым и открытым произношением *ō* отражено у Венделля, который записал в Старошведском *blūar* ‘синий’ наряду с *blōar* (*Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 26). Ср. также *toa* и *tua* ‘желудок’ (*Ibid.* S. 146, 148), *duar* ‘дни’, *skua* ‘смотреть’ (S. 40, 196) при современном *mōa*, *dōar*, *skōa*.

[kʁœ:n.wa], *löüe* [lœ:n.wɛ] (опр. ед. ч. от *kʁöü* ‘копыто’, *löü* ‘побеги’), *gritiar* [-ч.war] (мн. ч. от *griti* ‘духовка’).

§ 52. Долгие гласные нередко сокращаются в первом компоненте сложного слова: *bon-vaftašk* ‘няня’, *bon-uŋ* ‘детёныш’ (*bōn* ‘ребёнок’), *bre-disk* ‘блюдо для хлеба’, *bre-stump* ‘горбушка’ (*brē* ‘хлеб’), *gon-täin* ‘катушка для ниток’, *gon-strō* ‘нитка’ (*gōn* ‘нитки’), *gra-gōđ* ‘кладбище’ (*grāv* ‘могила’), *koļ-hū* ‘кочан’ (*kōļ* ‘капуста’), *kvit-löük* ‘чеснок’, *kv[i·]t-brē* ‘белый хлеб’ (*kvītār* ‘белый’), *trā-goļv* ‘деревянный пол’ (*trā* ‘дерево’), *vin-gōđ* ‘виноградник’ (*vīn* ‘вино’). Эта закономерность не является строгой, ср. *bāk-stū* ‘задняя комната’ (в интервью с АЛ; *bak-stū* ЛУ), *skū-grīs* ‘ёж’.

§ 53. Во втором элементе композита долгота гласного обычно сохраняется: *frama-stū* ‘гостиная’, *hona-krūn* ‘петушиный гребень’, *kvitlöks-hū* ‘головка чеснока’, *rāi-tāk* ‘крыша, крытая камышом’, *vill-svīn* ‘дикий кабан’. Однако в названиях дней недели гласный *ā* сокращён: *mondan*, *tīstan*, *unsdan*, *tūstan*, *frīdan*, *löüdan*, *sundan*. Кроме того, краткий гласный встретился в следующих композитах: *holg-da* ‘праздник’ (в интервью с ЛУ; ср. *nams-dā* ‘день рождения’ АЛ), *nā-god* ‘хлев’ (*gōđ* ‘двор’), *rīv-jen* ‘тёрка’ (*jēn* ‘железо’), *svīn-sti* ‘свинарник’ (но *-stīa* опр. ед. ч., *-stīar* мн. ч., *-stīana* опр. мн. ч.), *grit-ū* ‘духовка’ с [-ч] в интервью с АЛ, [-з] в интервью с ЛУ (но *grit-ūen* опр. ед. ч.; другие формы встретились с *ū*: *-ūar* мн. ч., *-ūa* опр. мн. ч.).

§ 54. Безударные гласные:

/i/ [i], [ɛ]	(/ü/ [ʉ])	/u/ [u], [o]
/e/ [ɛ], [ɛ], [ɛ], [œ]		(/o/ [o])
	/a/ [a]	

§ 55. Безударное /i/ имеет две реализации. Первая из них, [i], характерна для закрытых слогов, например *kibik* ‘повозка у цыган’, *rädik* ‘редис’, в суффиксах *-iŋ*, *-liŋ*, *-niŋ*: *kikliŋ* ‘цыплёнок’, *kuniŋ* ‘король’. Вторая реализация, [ɛ] (закрытое *e*⁴²), характерна для открытых слогов: ср. *kirke* ‘церковь’, *lärke* ‘жаворонок’, *risse* ‘рыболовная снасть’. В этих примерах безударное *e* < *i* (ср. форму опр. ед. ч. этих существительных: *kirkja*, *lärkja*, *rissja*, т.е. *lärkĭ-a* и т.д.). Таким образом, в безударных закрытых слогах существует оппозиция /i/ ~ /e/ (например, *rädik* ~ *brifen*). В безударных открытых слогах возможно только [ɛ], т.е. имеет место нейтрализация /i/ ~ /e/. Русские слова, заимствованные в форме именительного падежа мн. ч. (на *-ы*), также оканчиваются в диалекте на [ɛ]: *boklez*□*áne* ‘помидор’, *goste* ‘гости’, *sleve* ‘слива’.

⁴² Безударное [ɛ] всегда является закрытым, поэтому его закрытый характер не обозначается в записи.

Отметим, что безударное *i* также и в закрытых слогах спорадически реализуется как [ɛ], например в *bräd[ɛ]sk* ‘тарелка для хлеба’, *pält[ɛ]k* ‘туалет’ (в интервью с ЛУ). Такое же колебание засвидетельствовано в родственных диалектах: Вендель приводит *taldrik* ‘тарелка’ (Виппаль), *täldrikk* (Нюккё) и *taldr[ɛ]k* (Рогё), *tallr[ɛ]k* (Дагё); согласно Данеллю, диалект Нюккё имеет *taldrek*⁴³.

§ 56. Реализации безударного /e/ сводятся к двум основным типам: закрытому (e) и открытому (ä/ö). Закрытая реализация, [ɛ], встречается во всех положениях, кроме положения перед *r*, *ʃ*, *ŋ*, *l*. Примеры: *kabet* ‘носок’, *krävet* ‘рак’, *arbetar* ‘рабочий’, формы опр. ед. ч.: *brifen*, *sjöle*, *böne* и т.п.

Перед *r*, *ʃ*, *ŋ* /e/ реализуется как *ä*: *brüär* ‘брат’, *kvöldär* ‘вечер’, *vintär* ‘зима’. Перед *ŋ*, *ʃ* безударное *ä* обычно является более открытым, например *bugän* [-ɛŋ] опр. ед. ч. от *bugär* ‘плуг’. Если *ŋ* заменяется на *n* (§ 16), то *ä* > *e*, например *liken* наряду с *likän* опр. ед. ч. от *liköl* ‘ключ’.

Перед *l* /e/ реализуется как *ö* и *ä*. Закономерности в распределении *ö* и *ä* перед *l* неясны. Возможно, первоначально их распределение зависело от количества предшествующей части слова: *ä* после краткого корня, *ö* после долгого⁴⁴. Даже если эта закономерность имела место, то в современном диалекте она прослеживается плохо, поскольку *ö* часто слышится не только после долгого, но и после краткого корня, т.е. безударные *ö* и *ä* фактически находятся в отношении свободного варьирования.

Примеры *ä* (обычно [ɛ]) перед *l*: *babäl* (в интервью с МП; *baböl/-äl* ЛУ) ‘болтать’, *himmäl* ‘небо’, *krinjäl* ‘бублик’, *likäl* ‘ключ’ (наряду с *liköl*), *dripäl-räven* ‘изморось’, *rokäl* ‘мокрота’ (однако глагол ‘отхаркивать’ был назван с *ö*: *roköl*).

Примеры *ö* после долгого корня: *bummöl* ‘щеколда’, *gammöl* ж. р. от *gamlan* ‘старый’, *gävöl* ‘фронтон’, *grummöl* ‘ворчать’, *humtöl* ‘хмель (растение)’, *kvärvöl* ‘щеколда’, *rappöl* ‘болтать’, *skimmöl* ‘плесень’, *sumtöl* ‘некоторый’, *äŋköl-mann* ‘вдовец’; *ö* после краткого корня: *buböl* ‘пузырь’, *hävöl-läst* ‘рубанок’, *stivöl* (наряду со *stiväl*) ‘ботинок’, *tiköl* ‘кирпич’, *äŋöl* ‘личинка’.

Аудитивно безударные гласные *ä* и *ö* перед *l* различаются слабо: при произнесении информантами вышеприведённых слов часто создаётся впечатление либо слегка огубленного *ä*, либо недостаточно огубленного *ö*.

§ 57. Безударное /u/ в закрытом слоге реализуется как [u], например в суффиксе *-unŋ* (шв. *-unge*): *hundunŋ* ‘щенок’, *raŋunŋ* ‘утёнок’. В открытом слоге /u/ реализуется как [u] и [o]: *kvüsu* ‘прыщ’, *olljo* ‘растительное масло’. Ср. также

⁴³ *Freudenthal, Vendell*. Op. cit. S. 229, 230; *Danell*. Ordbok. S. 426.

⁴⁴ Ср.: *Lagman E*. Op. cit. S. 47.

bädostukk ‘балка, к которой крепятся стропила’ (в интервью с МП, АЛ; *bädde-stukk* ЛУ), *bärofis* ‘навозный жук’ (АЛ; *bärefis* ЛУ); *käpobäin* ‘челюсть; скула’. Кроме индивидуальных привычек информантов, каких-либо синхронных закономерностей, управляющих распределением конечных *u* и *o*, не наблюдается. Насколько можно судить по интервью, для АЛ и МП более характерно [u], для ЛУ — [o]. Ср. *kaku* ‘пирожное’, *suļu* ‘ступня’, *blu-sinu* ‘вена’ в интервью с АЛ и *kako*, *blū-sino*, *näsa-büro* ‘ноздря’ в интервью с ЛУ. Колебание *u/o* также может наблюдаться у одного и того же носителя: *näsabiuru/-o*, *flāo/-u* ‘перхоть’, *sinu/-o* ‘жила’ у АЛ. Некоторые слова, наоборот, встречаются в интервью без этого колебания, например *hako* ‘подбородок’, *rōo* ‘корка на ране’.

§ 58. Безударное /ü/ встречается только в заимствованиях: *kálküin* ‘индюк’, *kástrüill* ‘кастрюля’, *kátüfl* ‘картошка’, *rüsínar* ‘изюм’. Безударное /o/ также встречается в таких заимствованиях как *skorop* ‘карп’, *volok* ‘волок (для рыбной ловли)’.

Просодика

§ 59. Ударение динамическое, падающее в исконных простых словах на первый слог. В композитах основное ударение падает, как правило, на первый слог первого компонента, первый слог второго компонента несёт побочное ударение: *bār-futatär* [‘-] ‘босоногий’, *blum-hatt* [‘-] ‘подсолнух’, *gamal-fār* [‘-] ‘дедушка’, *vinagrads-klips* [‘-] ‘виноградная гроздь’. Имеются, однако, примеры, где основное ударение обычно падает на второй компонент: *fere-fáraldrar* ‘предки’, *hitt-hér* ‘сюда’, *trōška-kváit* ‘кукуруза’. Тоническое ударение в диалекте отсутствует.

§ 60. Долгим может быть только ударный слог. В диалекте имеются следующие типы ударных слогов:

1a) $\bar{V}\check{C}$, например *grāv* ‘копать’, *hād* ‘плечо’, *pik* ‘девочка’, *skīn* ‘светить’, *svōd* претерит от *svōlge* ‘глотать’, *rāik* ‘дым’, *sāj* ‘кровать’, *sōim* ‘шить’.

1b) $\check{V}\bar{C}$: *brinn* ‘гореть’, *nakk* ‘затылок’, *rānn* ‘бежать’, *still* ‘кормить’, *ārr* ‘шрам’.

1c) $\bar{V}\check{C}\bar{C}$: *bünd* ‘хозяин’, *dōmb* ‘пыль’, *ēnd* ‘конец’, *māvd* ‘служанка’, *sōld* ‘сито’, *tīsk* ‘немец’.

1d) $\check{V}\bar{C}\bar{C}$ (в этом случае долгота согласного внутри морфем не обозначается): *bind* ‘вязать’, *präst* ‘священник’, *smält* ‘таять’, *tarv* ‘нуждаться’ (т.е. [-n:d, -s:t, -l:t, -r:v]). Сюда же относятся формы с краткими дифтонгами (§ 49): *frāist* [-e̯is:t] ‘мерить (одежду)’, *blōiitt* [-o̯e̯it:], *hāiitt* [-e̯it:] ср. р. от *blōiittär* ‘сырой’, *hāiittär* ‘горячий’.

2a) $\bar{V}\#$: *blā* ‘лист’, *bō* ‘оба’, *fē* ‘кормить’, ‘рождать’, *stāa* ‘лестница’, *āi* ‘портить’.

2b) \bar{V} -: *blāe*, *blānar*, *blāna* формы существительного *blā* 'лист'; *grāvar*, *grāva* формы глагола *grāv* 'копать'.

3a) $\check{V}\#$. В интервью встретились следующие слова: *ja* 'я', *tö* 'ты', *me*, *te* (объектные формы от *ja*, *tö*), *he* 'оно', *se* 'себя', *ve* 'мы', *ne* 'вы', *nö* 'сейчас'.

3b) \check{V} -: *blāse* 'лоб', *buböl* 'пузырь', *fīnu* 'плавник', *froka* 'запах', *fādār* 'перо', *homar* 'молоток', *hāra* 'заяц', *küida* 'корова', *roka* 'плавать; купаться', *rāken* 'считать', *sugār* 'сахар', *sunu-kunu* 'невестка', *svōla* 'охлаждать'.

§ 60. Ударный закрытый слог практически всегда долог (типы 1a–d). Исключением являются некоторые слова среднего рода в форме неопределённого ед. ч., имеющие структуру $\check{V}\check{C}\#$, например *kāt* 'мясо', *lok* 'крышка', *skār* 'корабль'. Краткость закрытого слога здесь является не архаизмом, а возникает вторично, под влиянием двусложных форм, где краткость закономерна (*kāte*, *loke*, *skāpe*, § 64).

§ 61. В слогах, оканчивающихся на два и более согласных, долгим может быть как гласный (1c), так и согласный (1d). Слов со структурой $C\bar{V}\bar{C}\#$ (т.е. оканчивающихся на долгий гласный/дифтонг и долгий согласный) в современном диалекте, по-видимому, не существует.

§ 62. Открытый слог может быть как долгим (тип 2), так и кратким (тип 3). Долгими в большинстве случаев являются открытые моносиллабы (тип 2a). Формы с долгим открытым слогом, состоящие из двух и более слогов (тип 2b), обычно возникают при прибавлении аффиксов, начинающихся с гласного, к основам со структурой типов 1a и 2a. Имеется, однако довольно много неодносложных форм с долгим открытым ударным слогом, непроизводных с синхронной точки зрения: например, существительные *brūār* 'брат', *brāa* 'доска', *dūtār* 'дочь', *hāvār* 'овёс', *mūār* 'мать', *rāven* 'дождь', *vāvār* 'телега', *vidje* 'прут', *vōa* 'волна', инфинитивы типа *kļōa* 'жаловаться', *skōa* 'смотреть'.

§ 63. Краткие открытые моносиллабы (тип 3a) редки. Этот тип характерен для личных местоимений. Такие слова как *a* (показатель конъюнктива), *de* (инфинитивная частица), *e* 'в', *mā* 'с', *o* 'и' и т.п. не относятся сюда, т.к. они безударны.

§ 64. Краткость открытого ударного слога (тип 3b) является характерной чертой двусложных основ. Кроме этого, если при добавлении окончаний возникала двусложная форма, то (по крайней мере в некоторых случаях) долгий гласный или согласный исходной формы сокращался, т.е. $\bar{V}\check{C}\#$, $\check{V}\bar{C}\# \rightarrow \check{V}\check{C}V$. Эта закономерность была устранена за счёт аналогического распространения долготы на всю парадигму, т.е. $\bar{V}\check{C}\# \rightarrow \bar{V}\check{C}V$, $\check{V}\bar{C}\# \rightarrow \check{V}\bar{C}V$. Однако у некоторых существительных среднего рода до сих пор возможно исконное чередование

долготы в односложной форме и краткости в двусложных, например *kätt* ‘мясо’ ~ *käte* (опр. ед. ч.), *nätt* ‘сеть’ ~ *näte* (опр. ед. ч.), *nätär* (мн. ч.), *nätena* (опр. мн. ч.); ср. § 60.

Заключение

§ 65. В заключение перечислим некоторые черты синхронной фонетики диалекта, составляющие его своеобразие по сравнению со стандартным шведским языком. В области консонантизма это неаспирированные *p*, *t*, *k*; наличие толстого *l̥*; отсутствие постальвеолярного *l*; дентальное *n* вместо постальвеолярного *n* на месте *m* внутри морфем; сочетание [x:l] на месте *ssl*; сохранение *g*, *k* перед гласными переднего ряда и сохранение сочетаний согласных с *j*; согласный *z* < *s* в результате ассимиляции по звонкости. В области вокализма это отсутствие как кратких, так и долгих фонем /y/, /ö/; специфическая реализация *ü*: [ʊ]; наличие дифтонгов. В области просодики это отсутствие тонического ударения и существование не только долгих, но и кратких ударных слогов.

Ключевые слова: диалектная фонетика и фонология, шведская диалектология, шведские диалекты, село Старошведское.

A. E. Mankov

THE DIALECT OF GAMMALSVENSKBY

This paper begins a series of publications on the dialect of Gammalsvenskby. The village of Gammalsvenskby is located in Kherson region, Ukraine. It was founded in 1782 by migrants from the island of Dagö (Hiiumaa) in the Baltic. In the present-day village there are still a few speakers of the Swedish dialect, which is the only genuine Scandinavian dialect spoken on the territory of the former Soviet Union. The current state of the dialect is unresearched; the only published description is based on the study carried out in 1905. The sources of my research are interviews with speakers of the dialect recorded in 2004–2009 during fieldwork in the village.

Keywords: dialect phonetics and phonology, Swedish dialectology, Swedish dialects, dialect of Gammalsvenskby.